

что эта этика определялась только религиозными факторами. Особо подчеркнем и то, что разные типы религий проявляли себя по-разному в экономической сфере.

Литература

1. Кант И. Критика практического разума. СПб., 1908.
2. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religions-soziologie. Tubingen, 1922. Bd. 1.
3. Durkheim E. Les formes Elementaires de la vie religieuse. Paris, 1912.
4. Мчедлов М., Филимонов Э. Религиозный фактор в формировании экономики // Предпринимательство. Политика. Наука. 1996. № 1.
5. Работы М. Вебера по социологии. М., 1985.
6. Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1983.
7. Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988.
8. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
9. Протестант. 1990. № 11.
10. Там же.
11. Христианин. 1991. № 1.
12. Свобода совести в духовном возрождении Отечества. М., 1994.

И.Н. БРАИМ

МЕНТАЛИТЕТ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

1. Методологические проблемы исследования менталитета. Категория “менталитет” (фр. *mentalite* — склад ума, умонастроение, мировосприятие) в современном употреблении в научных исследованиях имеет довольно широкое толкование. Так, В.Е. Семенов определяет его не только как исторически сложившееся, долговременное умонастроение, но и единство бессознательных и сознательных ценностей, норм и установок в их когнитивном (т.е. познавательном — И. Браим), эмоциональном и поведенческом воплощении, присущих той или иной группе и ее представителям [1, 65]. В основу большинства определений данного понятия кладется “глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания и подсознательных ориентаций, характер восприятия мира” [2, 19].

В качестве компонентов общественного сознания, характеризующих ментальность общества, Н.М. Канашевич выделяет: историческую память народа, в которой запечатлен коллективный опыт наших предков, проявляющийся в традициях, обычаях, нравах, стереотипах поведения и мышления; в психологическом складе — духовно-поведенческую специфичность, проявляющуюся в историческом (национальном) характере как совокупности эмоционально-чувственных компонентов; историческое (национальное) сознание, представляющее собой рациональные элементы психологического склада (взгляды, оценки, ценности); социальное (национальное) самосознание, т.е. представления о собственной идентичности и общности [3, 88].

Как видно, понимание менталитета берет свои истоки в этнической (национальной) психологии, истории народа и его духовной культуре. В тех или иных степени и комбинациях через призму отмеченных явлений и научных категорий российскими и отечественными исследователями рассматриваются конкретные черты национального менталитета.

Не отвергая в целом такое широкое определение понятия “менталитет”, которое в политологическом плане составляет основу политической культуры, хочется обратить внимание на морально-этический аспект этого феномена. Именно через отношение к моральным принципам и этическое поведение проявляется умонастроение и мировосприятие социумов. В частности, менталитет характеризуется тем, как люди относятся к другим людям, нациям, расам, к таким нравственным

Иван Николаевич БРАИМ, кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии БГЭУ.

категориям, как гуманизм, коллективизм, индивидуализм и т.п., к моральным ценностям (свободе, справедливости, достоинству, чести и т.д.). В области политики менталитет через этические нормы определяет особенности отношения людей к власти, взаимоотношений политических субъектов и институтов власти.

Многоаспектность понятия и реального явления “менталитет” обуславливает внимание, к нему представителей различных общественных наук: философов, этнографов, фольклористов, историков, психологов, социологов, политологов, литераторов и др. Исходя из предметных особенностей и задач, каждая наука проливает дополнительный свет на это сложное явление общественного сознания и политической культуры человеческих общностей.

Термин “менталитет” (“ментальность”) впервые появился в западной науке в 30-х гг. XX в. в работах представителей психологической и культурно-антропологической школы Л. Леви-Брюля, Л. Февра, М. Блока. Проблемами менталитета интересовались К.Г. Юнг, Э. Дюркгейм, М. Хайдеггер.

Еще в XIX в., “особость” русской души, без употребления термина “менталитет” изучали и культивировали “славянофилы”. Специфичности русского национального характера много внимания в начале XX в. уделял в своих работах русский философ Н.А. Бердяев. Менталитет белорусов, их мировоззрение и идентификация исследовались и освещались в печати в первой четверти XX ст. И. Кончевским (Абдзіраловічам), В.Ф. Шантырем.

Проблемы национальной самоидентификации и менталитета белорусского народа особенно пристальное внимание белорусских ученых привлекли в 90-х гг. в связи с осмыслением процессов политической суверенизации Беларуси, с получением ею политической независимости. Ментальность белорусов, их национальный характер исследовались Э.С. Дубенецким, Н.М. Канашевичем, В.М. Кононом, В.В. Кириенко и др. Вопросы изучения ментальности белорусов нашли отражение в работах С.И. Бугровой, А. Киштымова, В.И. Бобровича, Е.И. Зенько и др.

Следует отметить как положительное явление рассмотрение менталитета белорусского народа в учебных пособиях [4, 5]. Такого рода пособия имеют не только познавательное значение. Они будят национальное самосознание молодежи, воспитывают патриотизм, знакомят с лучшими народными традициями.

Для политологов проблема ментальности народа интересна прежде всего тем, что ее изучение и использование результатов исследования в политической практике позволяет не только лучше понять политические процессы в их историческом развитии, но и осмыслить проблемы трансформационного периода, который сейчас переживают бывшие республики СССР, правильно определять экономическую, социальную и культурную политику, формировать взаимоотношения политических субъектов и восприятие населением реформационных преобразований с учетом ментальных особенностей коренного этноса и этнических групп, проживающих на территории Беларуси, вовлекать массы в трансформационные процессы. Неучет в политике национального (этнического) менталитета, как и игнорирование народных традиций и слепое копирование опыта перехода от традиционного общества к индустриальному народов с иной политической культурой, приводит к дискредитации благих намерений реформаторов, к падению их имиджа и привлекательности реформ, а иногда и к политическому банкротству. При этом следует иметь в виду, что консервация определенных черт ментальности (например, отрицательное отношение к предпринимательству и т.п.) также не способствует переходу к более эффективной, рыночной экономике, к гражданскому обществу и правовому государству.

Безусловно, политологов прежде всего интересует политический менталитет, под которым понимают совокупность устойчивых, общераспространенных в той или иной группе представлений, выражающих особое видение принадлежащими к ней людьми политической и социальной реальности [6, 73].

Политический менталитет составляет прежде всего подсознательную основу политической культуры той или иной человеческой общности. Он представляет собой своеобразный генетический код социума, который влияет на сознание и культуру политического поведения людей многих поколений. Воздействие этого кода неодинаково на историческом пути развития общества. На определенных этапах оно может активно влиять на политические процессы или наоборот проявляться невыразительно. Исчезнуть же он может с полным исчезновением общества или общественной группы. Это относится и к национальному (этническому) менталитету. Пример тому — исто-

рическая судьба евреев и цыган. Потеряв свою национальную государственность, дисперсно проживая на территории других государственных образований, они все же сохранили свой менталитет и традиционную культуру.

В политическом менталитете выделяют следующие типы: демократический, либеральный, авторитарно-тоталитарный, революционный, реакционный, кризисный, консенсусный. Особое положение занимает религиозный менталитет, который в свою очередь имеет конфессиональные модели: православную, католическую, исламскую, иудейскую, протестантскую, менталитет отдельных сект. Делаются попытки классификации менталитетов применительно к отдельным странам. Так, в современном российском обществе выделяют следующие типы менталитетов: советско-социалистический, прозападно-капиталистический, православно-российский, криминально-мафиозный; мозаично-прагматический псевдоменталитет, порожденный “массовой культурой” и представляющий собой некий конгломерат “осколков” вышеуказанных менталитетов [1, 65].

Несмотря на устойчивый характер, менталитет, как и всякое общественное явление, изменчив. Особенно эта изменчивость проявляется в условиях политических и экономических кризисов и модернизаций. В эти периоды определенная часть населения с неустойчивыми нравственными, правовыми и политическими ценностями и установками при ослаблении контроля со стороны государства и общества “расслабляется” и проявляет свои худшие черты характера. В таких условиях осуществляется переоценка общественных ценностей, ведущая иногда к распространению поведенческого негатива и сокращению позитивного поведения. Так, в нынешний период в Беларуси можно наблюдать как доброту, честность, высокая нравственная культура, нормы этикета у части населения представляются анахронизмом, мешающим им обогащаться и устраивать свою личную жизнь. На первый план выходит принцип “не обманешь, не проживешь”, замена культурного досуга пьянством, азартными играми. Свободно и нагло ведут себя так называемые деловые люди с сомнительными способами достижения материального благосостояния. Становятся популярными такие осуждаемые ранее профессии, как спекулянт, проститутка, романтизируется криминальное поведение.

Сдерживание процесса негативной деформации традиционного менталитета и реанимация его позитивных черт возможны лишь с улучшением материального благосостояния общества, стабилизации его общественно-политической и экономической жизнедеятельности и активизации воспитательных функций учебных заведений, средств массовой информации. Определенную роль может сыграть живучесть архетипов (прообразов) общественного сознания, которые по определению К.Г. Юнга, представляют собой элементы подсознательного, передающиеся от одного поколения к другому, и определяют характерные для социума черты, отличающие одну человеческую общность от другой.

В трансформационные периоды, при качественных изменениях в экономической, социальной и политических сферах жизни общества не только обостряются противоречия между традициями и новациями, но и активизируется рост национального самосознания.

Так, в Беларуси оживление национально-политической жизни наблюдалось с утверждением капиталистических отношений. В 20-х гг. XX ст., в период перехода к социализму, в республике осуществлялась масштабная беларусизация языкового общения, образования, культуры, общественных наук. Активизация национального и политического сознания в среде интеллигенции и студенческой молодежи, формирование многопартийной системы, переход к образованию и ведению официальной документации на белорусском языке, появление национально ориентированной политической элиты, возрождение белорусской культуры происходили в конце 80-х — начале 90-х гг., в период перестройки общественных отношений, демократизации общественно-политической жизни и политической суверенизации Беларуси.

При стабилизации политической жизни общества в умонастроениях и поведении людей на первый план выступают ментальные черты, связанные с созидательным трудом, повышением уровня материального благосостояния, укреплением стабильности общественно-политической жизни, расширением духовной области жизнедеятельности общества, в том числе и этнокультурной ее сферы.

Особенности менталитета определяются целым рядом факторов: экономическими, социальными, политическими (внутренними и внешними), культурными, идеоло-

гическими, религиозными, биологическими, демографическими. В связи с этим формируется менталитет: богатых и бедных, интеллигенции, рабочих, крестьян, буржуа, маргиналов; народов стран с рыночной и командно-административной экономикой, с гражданской и этатистской политической культурой; политических общностей, исповедующих либеральные, консервативные, коммунистические и другие ценности; христиан, мусульман, буддистов, баптистов, штундистов и т.д.

Наличие в обществе различных социальных, политических, демографических групп, людей с разным уровнем образования, культуры, вероисповедания, этнической принадлежности и другими показателями значительно затрудняет исследование национального (этнического) менталитета, особенно умонастроения ушедших поколений.

Трудности исследования менталитета связаны с противоречивостью поведения людей, в наличии в этом поведении рациональных и иррациональных поступков, устойчивых и ситуативных умонастроений и действий. Такую бинарность, противоречивость отметил в характеристике русского народа Н. Бердяев. Он писал, что в русском народе “присутствуют”: “деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт” [7, 14–15]. Отчасти такую противоречивость можно увидеть в менталитете и многих других народов, в том числе и белорусского.

В более выигрышном положении находятся попытки исследовать менталитет современных социумов. Особенно репрезентативными и результативными являются междисциплинарные исследования: этнопсихологические, социально-психологические, политико-психологические с применением анкетных опросов и других методов замера тех или иных черт, присущих умонастроению и поведению человеческих общностей. Вместе с этим следует заметить, что такие довольно эффективные методы сбора и анализа информации могут иметь неадекватный характер. В них проявляется нарциссизм и завышение самооценки [8, 37], различное толкование понятий, употребляемых в анкетных опросах, идеологические, национальные, политические пристрастия респондентов и субъективизм исследователей.

Исследование традиционных, сформированных за длительный исторический период ментальных черт, дошедших до нас с языческих времен, гораздо труднее. Важнейшим источником для исторических исследований менталитета является так называемая фольклорная культура. В этой культуре, которую составляют мифы, былины, сказки, песни, предания, пословицы, поговорки и другие жанры народного творчества, в эмоциональной форме проявляется коллективное бессознательное. Значительную этнопсихологическую информацию несут традиционные обряды и верования, обычаи, табу. В связи с этим немаловажную ценность для исследования традиционной ментальности представляют путевые заметки путешественников, исследования историков, этнографов и фольклористов прошлых столетий. Определенную информацию можно получить из письменных исторических и литературных памятников. Безусловно, ко многим из этих источников следует относиться с осторожностью, ибо в них порой проявляется субъективизм, эмоции, ложные стереотипы, политическая и идеологическая ангажированность. В частности, такую ангажированность можно заметить в исследованиях культуры белорусов у шовинистически настроенных исследователей России и Польши, представителей стран, которые претендовали на Беларусь, как на свою вотчину.

Можно отчасти согласиться с заявлением этнопсихолога Л.И. Науменко о том, что не все выделяемые исследователями черты национального характера и менталитета научно обоснованы. В первую очередь она имеет в виду публикации Э.С. Дубенецкого. Действительно, Э.С. Дубенецкий как историк не пользуется методами и инструментарием количественного замера интенсивности проявления этнических ментальных черт и степени их выраженности. Но, думается, неверно будет полностью ставить под сомнение пусть его даже “субъективно-интуитивный взгляд” на проблему менталитета белорусов. Следует отметить, что в публикациях Э.С. Дубенецкого есть немало доказательств выделяемых ментальных черт. Русские философы Н.А. Бердяев, А.И. Герцен и другие тоже не опирались на эмпи-

рические материалы, говоря о “русской душе”. Но с их взглядами считаются и современные исследователи политической культуры русского народа. Л.И. Науменко вообще считает некорректным изучение черт национального характера и менталитета народов. “...Думается более корректной могла быть, — пишет она, — постановка проблемы, касающейся не столько выявления, поиска и перечисления комплекса определенных черт национального характера, сколько изучения особенностей самосознания и самовоспитания белорусами себя как этнической общности (нации). Либо восприятия белорусов представителями других национальностей, например их соседями (литовцами, поляками, русскими и др.). То есть это изучение того, как видят себя сегодняшние белорусы...” [9, 104]. Безусловно, изучать этническую (национальную) самоидентификацию современных белорусов актуально. Но не изучать историю развития национального характера и менталитета — это значит не понять и нынешнее состояние этнического самоотождествления.

Хочется заметить, что корректность в освещении результатов исследований таких эмоционально уязвимых явлений, как менталитет или национальный характер, нужна. Особенно это касается обобщенных характеристик негативных сторон в мировосприятии и поведении тех или иных этнических общностей. Некорректность замечаний исследователей, особенно иной этнической принадлежности, может привести к национальным обидам и вызвать конфликтную ситуацию. Вряд ли может быть позитивно воспринята характеристика кавказцев как бандитов, русских как лентяев и пьяниц и т.п.

Думается, что в методологическом, политическом и этическом подходах к освещению менталитета того или иного народа необходимо принимать во внимание следующее:

1. Иметь в виду, что в менталитете каждого социума, в том числе и национального, есть позитивные и негативные черты. Речь может идти о количественном проявлении тех или иных качеств;

2. Сравнительная характеристика мировосприятия и поведения должна опираться на серьезную фактологическую базу. Особую ценность имеют данные социологических исследований, позволяющие осуществлять количественные замеры проявления ментальных черт. При невозможности осуществления количественных замеров в сравнительных исследованиях целесообразно и более этично использовать в первую очередь данные и оценки исследователей, представителей тех общностей, с которыми осуществляются сравнения;

3. Характеристика ментальности той или иной общности не обязательно должна предполагать сравнения с другими общностями. Ее можно делать и без сравнительного анализа;

4. Признать определенную условность результатов исследования менталитета ввиду того, что во всякой общности есть люди с различными мировосприятием и поведением. Тем более, что умонастроение и поведение людей изменчивы и могут приобретать в определенных условиях различный, в том числе и иррациональный характер. Такие умозаключения, ставшие крылатыми фразами, как “Восток — дело тонкое”, “умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить” (*Ф. Тютчев*), “што не галава, то розум” (белорусская народная пословица) имеют под собой реальные основания.

Литература

1. В поисках социальной парадигмы (круглый стол) // Социс. 1995. № 10.
2. *Конан У.* Архетыпы беларускага менталітэту: спроба рэканструкцыі паводле нацыянальнай міфалогіі і казачнага эпасу // Беларусіка-Albaruthenika. Кн. 2. Мн., 1992.
3. *Канашевич Н.М.* Менталитет как фактор политического процесса: Политический процесс в Беларуси. Мн., 1996.
4. *Дубянецкі Э.С.* Таямніцы народнай душы: Кніга для вучняў. Мн., 1995.
5. *Канашевич Н.М.* Политическое сознание переходного периода. Учеб. пособие. Ч. 1. Могилев, 1995.
6. Основы политологии: Краткий словарь терминов и понятий. М., 1993.
7. *Бердяев Н.* Русская идея: Самопознание. М., 1998.
8. *Кириенко В.В.* Менталитет современных белорусов как фактор общественного реформирования // Социология. 1999. № 1.
9. *Науменко Л.И.* Национальный “мы — образ” белорусов и проблема его формирования в условиях современной реальности // Политический процесс в Беларуси. Мн., 1996.

(Продолжение в следующем номере)